

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/141-153

Научная статья

© Ю. В. Литвин

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖЕНСКОЙ ТЕЛЕСНОСТИ В КАРЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В региональной российской историографии сохраняются лакуны, связанные с изучением женской повседневности, особенно, телесности и сексуальности. Подобное обстоятельство обусловлено как спецификой традиционной культуры, которая табуировала разговор на данную тему, так и научными традициями, долгое время обходившими стороной указанную проблематику. В данной статье на основе комплекса опубликованной научной литературы и историко-этнографических источников представлены некоторые малоизученные аспекты в жизни карельской крестьянки, связанные с физическим и «культурным» телом. К таковым отнесены: менархе, визуальные маркеры половозрелости, первая брачная ночь, рождение первенца и амбивалентное положение роженицы, завершение фертильного периода. Источниковую базу статьи также составляют авторские экспедиционные материалы, собранные у карелок, рожденных в 1920–1950-х гг. Несмотря на более поздний период фиксации, использование этих сведений позволяет раскрыть ранее неизвестные (подчас, довольно эмоциональные) стороны женской повседневности. Порядок изложения материала оформлен с опорой теорию обрядов жизненного цикла, на переход женщины из одного социального статуса в другой. В тоже время автор понимает условность данной категоризации, поскольку женская телесность не ограничивалась рождением, браком и смертью, а имела множество нюансов внутри классической «триады».

Ключевые слова: телесность, женская история, карельская культура, карельская женщина, история Карелии

Ссылка при цитировании: Литвин Ю. В. Новые аспекты изучения женской телесности в карельской культуре // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 141–153.

Литвин Юлия Валерьевна — к. и. н., научный сотрудник сектора этнологии, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН — обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (185910 Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11). Эл. почта: litvinjulia@yandex.ru. ORCID: [0000-0002-2369-4987](https://orcid.org/0000-0002-2369-4987)

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/141-153

Original Article

© *Julia Litvin*

NEW ASPECTS IN THE STUDY OF FEMALE CORPOREALITY IN KARELIAN CULTURE

In regional Russian historiography, gaps remain associated with the study of women's everyday life. This is due both to the specifics of traditional culture, which tabooed conversation on these topics and to scientific traditions, which for a long time bypassed these problems. This article presents the results of archival research and fieldwork. It investigates some understudied aspects of the life of a Karelian peasant woman, connected with the physical and «cultural» body and the emotional sphere. These include menarche, visual markers of sexual maturity, the first wedding night, the first childbirth, and the ambivalent position of a woman in labor, the end of the fertile period. One of the article sources is the author's expedition materials collected from women born in the 1920s-1950s. Despite the retrospective nature of interviews, this information reveals previously unknown (sometimes quite emotional) aspects of women's everyday life. The material is presented according to the rituals of the life cycle, which mark the transition of a woman from one social status to another. At the same time, the author acknowledges the conventionality of this categorization since female corporeality was not limited to birth, marriage, and death but had many other aspects.

Keywords: corporeality, women's history, Karelian culture, Karelian woman, history of Karelia

For Citation: Litvin, J.V. 2022. New Aspects in the Study of Female Corporeality in Karelian Culture. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 141–153.

Author Info: Litvin, Julia V. — Ph.D. (History), Research Associate in the Ethnology Section, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Science (185910 Petrozavodsk, 11 Pushkinskaya Street, Russia). E-mail: litvinjulia@yandex.ru ORCID: [0000-0002-2369-4987](https://orcid.org/0000-0002-2369-4987)

В региональной историографии сохраняются лакуны, связанные с изучением женской повседневности, особенно телесности и сексуальности. Подобное обстоятельство, во-первых, обусловлено спецификой традиционной культуры, которая табуировала разговор по данной теме и повлекла за собой усеченность источниковой базы («не принято говорить»). Во-вторых, научными традициями, долгое время обходящими стороной указанную проблематику. Последнее обстоятельство связано со спецификой сбора этнографических данных. Традиционно при описании различных социального положения мужчин и женщин этнографы долгое время в качестве «отправной точки» или «нормы» считали социальные роли и статусы мужчин (Пушкарёва 2007: 343). Так, например, на материалах Карелии и сопредельных областей описаны обряды при передаче большины от отца к сыну (брату) (Ефименко 1878:

120; Карелы Карельской АССР 1983: 138; НА КарНЦ РАН, разр. VI, д. 475, л. 15 и т. д.). Т. А. Бернштам применительно к русской традиции Поморья — пограничного Карелии региона — писала, что «большуха держалась за свою власть гораздо крепче, чем мужчина-большак: почти не бывало случаев, чтобы свекровь добровольно уступала большую невестке» (*Бернштам* 1988: 131). Согласно исследованию Р. Бохака, возраст достижения статуса большухи в российской деревне в среднем был на 15–20 лет продолжительнее, что возраст мужчин для достижения положения большака (*Bohak* 1990: 109–110). Таким образом, путь крестьянки к статусу хозяйки был дольше, а передача власти чаще всего осуществлялась представительнице другого рода, тогда как в случае с большаком большая обычно переходила сыну или брату, и таким образом оставалась внутри родственного коллектива. Эти факторы, а также право хозяина дома выбрать другую хозяйку, могли способствовать обострению противоречий в женском коллективе.

Карельская этнографическая школа была создана в 1955 г. Р. Ф. Никольской (Таровой). Она была первой исследовательницей, систематически изучавшей материальную культуру и хозяйственные занятия карелов. В 1960–1970-ые гг. исследовательские акценты карельских этнографов сместились на изучение современной семьи, рабочего класса с использованием методов этносоциологии, а также были посвящены изучению обрядов жизненного цикла, календарной мифологии (Ю. Ю. Сурхаско, Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов, А. П. Конкка, М. Sarmela, P. Virtaranta и др.). Гендерный подход получил развитие в Карелии в 2000-х гг., причем первыми к этой теме обратились финляндские и шведские коллеги. В работах Ю. Г. Шикалова, M.-L. Keinänen, P. Sallinen-Gimpl (на материалах финляндской Карелии), L. Stark и др. затрагивается тема женской телесности. Чуть позже данный подход стал развивать карельскими этнологами — И. Ю. Винокуровой и К. К. Логиновым, которые изучали традиции вепсов и русских Карелии, а также автором статьи.

Тело как социокультурный феномен рассматривается в ряде работ, среди которых уже классическими стали публикации Дж. Батлер, П. Бурдьё, И. Гофмана, М. Дуглас, И. С. Кона, М. Мерло-Понти, Дж. Г. Мида М. Мосса, М. Фуко, Е. Р. Ярской-Смирновой и др. Телесность обладает свойством динамичности, через индивидуальный телесный опыт «преломляются» социальные нормы. Они направлены на поддержание социально приемлемого образца и канона привлекательности.

Источниковую базу статьи составляет комплекс историко-этнографических материалов, дополненных данными лингвистических словарей. Кроме того, автором представлены экспедиционные материалы, собранные в районах проживания карелов. Зафиксированные в ходе полевых выездов обычаи и традиции имеют более позднее время бытования, однако позволяют проникнуть в эмоциональную сферу женской повседневности и сфокусироваться на малоизученных аспектах жизни. Использование более поздних материалов может быть также оправдано тем, что таким образом исследователи дают слово самим женщинам, которые долгое время были лишены его.

Переход молодой карелки в девичество имел ритуально-магическое (собственно обряды, связанные с регулами), визуальное (одежда, поведение), социальное (участие в беседах, активное полонение приданого) измерения.

С учетом географической, экологической и экономической переменных исследователи приходят к выводу, что половое созревание северных карелок, саамок и финок наступало около 15 лет. Точные данные остаются недоступными в связи

с запретным характером данной темы в крестьянской культуре (Шикалов 2013: 93; Laukkarinen 1933). Более поздние свидетельства, в том числе собранные в экспедиции в Карельское Поморье, косвенно подтверждают, что менструации начинались у местных девушек не ранее 14 лет:

— Раньше не принято было о менструации говорить?

— Да, не принято. Это не-не-не. И даже с сестрами так бы и не знала, что... Мне, наверное, 17 лет то было. Что первый раз. Теперь у девочек так рано менструации начинаются в 13–14 лет. Это с ума сойти (ФА № 3956/11, 1936 года рождения);

«Но, когда я поступила в медицинское [училище], у меня пришли месячные (т. е. после 8 класса — прим. авт.). Несмотря на то, что я училась в медицинском, я была в панике, потому что мы этого толком ничего не знали. (...) Это теперь у меня правнучка 10 лет, она уже говорит: бабушка, расскажи, а зачем вот эти прокладки женщинам?» (ФА № 3956/2, 1950 года рождения).

Существовал целый спектр религиозных и ритуальных запретов и предписаний, нормирующих поведение девушки в этот период (Михайлова 2000: 35; Винокурова 2015: 328; Агапкина 2004: 242; Keapänen 2003: 98–100; Paulaharju 1995: 17). В карельской культуре ограничения имели много общего с традициями других православных народов России¹: сокрытие менструации и ограничение социальных контактов; запрет на посещение общественных мест (церковь, баня, посиделки); ограничения хозяйственной деятельности, которые объяснялись негативным влиянием женской «нечистоты» на результаты труда и т. д. В карельской традиции существовал ряд ограничений трудовой активности в этот период: запрет на мытье полов (в противном случае считалось, что будет много клопов), на стирку белья и др. (Михайлова 2000: 35), т. е. на все, что связано с очистительной семантикой. Свое белье в период менструации девушка должна была стирать отдельно от общего. Делалось это при соблюдении определенных условий: тайком, не в проточной воде, воду сливали в укромное место, например, в угол. Сокрытие начала месячных и стирки белья, по мнению Т. А. Листовой, объяснялось страхом сглаза и более тяжелым протеканием этого процесса (по аналогии с родами) (Листова 1996: 153).

Запреты касались и взаимодействия с определенным кругом лиц. У карелов, как и других народов, существовал запрет на посещение молодежных посиделок в период менструации, на купание в бане или реке совместно с другими крестьянками и даже сидение на одной лавке, чтобы не «заразить» других женщин (Агапкина 2004: 243; Keapänen 2003: 99, 105). В случае нарушения запрета считалось, что длительность менструации у рядом сидящей женщины увеличится. Увеличение менструального цикла рассматривалось как неправильное состояние, нарушающее природные циклы, предопределенные каждому человеку.

Представление о женской «нечистоте» в этот период сочеталось с расширением ее ритуальных функций, в том числе в области лечебной и любовной магии. Так, тряпка с менструальной кровью являлась одним из средств лечения рожистого воспаления — инфекционного заболевания кожи. Тряпку прикладывали к телу вместе с ржаной мукой (Михайлова 2000: 37). Принцип действия был основан на визуаль-

¹ С той оговоркой, что в старообрядческих семьях, которые были распространены в крае, запреты отличались большей строгостью.

ном сходстве «лечебного» средства и внешнего вида самого заболевания (покраснение поверхности кожи в связи с воспалительным процессом). У карелов и вепсов менструальную кровь использовали как любовное приворотное средство, которое добавляли в пищу или питье (Лесков 1894: 516; Винокурова 2015: 329).

В карельском языке существовала лексика для обозначения данного физиологического периода. В различных диалектах карельского языка применялись лексемы, обозначающие предметы женской одежды или указывающие на материал, поскольку нижняя рубаша часто использовалась в качестве прокладок: *sobahižet* (от *soba* — одежда, белье); *räččinälliset* — букв. «рубашечные» и др. Обращает на себя внимание отсутствие лексем, образованных от слова «кровь» (что связано с сакрализацией крови, особенно менструальной, равно как и других выделений человека — пота, слез и т. д.) или «красный», «красивый», «цвет» — эвфемизмов менструации, известных в русском языке. Также было встречено лишь единичное использование термина «менструация» в значении болезнь, недуг — *nedugat*, заимствованноелюдиками у русских (Lyudiläismurteiden sanakirja 1944: 261).

Визуальные маркеры половой зрелости девушки обозначались с помощью появления новых элементов одежды: передников, нижних юбок, головных уборов, так и через использование красного цвета в орнаменте одежды. Встречались и привозные передники из Финляндии, тканые из тонкой шерсти с продольными полосками (Логвиненко 2019: 128).

В карельской культуре сформировался идеал женской красоты: крепкое телосложение и, одновременно, гибкость и проворность, легкость в танцах (Конкка 2015: 137; Шикалов 2013: 94). Округлое лицо с большими и синими глазами, розовые щеки, небольшой нос и тонкие губы, а также светлые волосы дополняли портрет красивой карелки (Шикалов 2013: 94). Для достижения белизны лица видлицкие карелки собирали березовый сок и им умывались с целью избавление от веснушек (Пашкова 2018: 108). Для того чтобы добиться румянца, девушки прибегали не только к натуральным красителям, но использовали свинец с примесью кислоты. Смесь наносили и на зубы, которые со временем чернели, что, по крайней мере до последней четверти XIX в., также считалось признаком красоты (Карельская крестьянка 2012: 53).

Не только само тело, но и нормы поведения были гендерно определены. Особенно рельефно они проявлялись во время молодежных посиделок — бесёд (карел. *bes'odat*), особенно в праздничное время. В будние дни девушке не следовало пожимать руку молодому человеку, а при встрече с мужчиной в будние дни она должна была опускать глаза, что символизировало ее сексуальную «замкнутость» и честность (Keinänen 2003: 74]. Для сохранения репутации и, одновременно, развития сексуальной привлекательности, крестьянской девушке приходилось соблюдать равновесие между предписанной моралью и необходимой активностью, между скромным и раскрепощенным поведением. Это достигалось во время праздников, когда для незамужней крестьянки дозволялась более вольная трактовка норм поведения. Так, по воспоминаниям крестьянина Ф. В. Масаева, записанным в 1920-х гг. в д. Лижма, недалеко от г. Петрозаводска, после кадрили молодежь садилась «в шин» парочками и начинала целоваться: «целовались со скрипом» (НА КарНЦ РАН, разр. VI, оп. 1, д. 20, л. 7). В районе Ребол (Колвасозеро) в начале XX в. была зафиксирована возможность для девушки снять платок во время посиделок (НА КарНЦ РАН ф. 1, оп. 50, д. 3, л. 7).

Следование принятым в обществе поведенческим стратегиям являлось символическим капиталом молодежи. Юноше прививались такие качества как смелость, сила, отвага, поскольку считалось, что в будущем он брал на себя все экономические риски семьи. Поведение девушек отличалось большей вариативностью в рамках предписанной социальной нормы (Mironova, Litvin 2017: 94).

Брачная ночь — важный жизненный этап для женщины, особенно в традиционной культуре. Он редко обсуждался, тем более с посторонними. В этнографической литературе большой акцент связан на обрядовой составляющей перехода — вывodom и приводном столах, венчании, бане после брачной ночи (Сурхаско 1977: 183). Несмотря на относительно позднее время фиксации (дата свадьбы — 1961 г.), одна из карелок 1941 года рождения очень эмоционально описала свой опыт первой брачной ночи. Рассказ моей собеседницы сопровождался частым смехом и паузами — свидетельство эмоциональности события, которое ассоциировалось с ограничением свободы («Остались мы. И закрыли нас на замок. Всё, в капкан попала (смеется). Представь! А тут начались: боязни да всё! Конкретно не скажешь ничего, а потом это дело прошло, я села на лавку и плачу»; «Уже не будешь кривляться» и т. д.), сопровождалось страхом («боялась страшнее атомной войны») и стыдом («стыдно, глаза опустила»).

В этой связи традиция воздерживаться от половых отношений в течение нескольких дней или недели после свадьбы у северных карелов, которая объяснялась боязнью порчи, одновременно могла облегчать переход женщины в новый статус и в чужую семью: По сообщению из д. Каменное озеро, после свадьбы в 1923 г., патьвашка¹ уложил молодых спать и сказал жену без рукавиц не трогать: «Но ведь рукавиц не дали», — сетовал информант (НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 50, д. 2, л. 67).

Обычай *гостьбы* у своих родителей после свадьбы, несомненно, также создавал психологически более комфортную среду для адаптации женщины в новом положении: Карелка из д. Ондозеро, вышедшая замуж в 1928 г., так отзывалась о традиции гостьбы у родителей новобрачной: «Это очень хорошо. Ведь в чужой семье боишься взглядов каждого, есть не смеешь. А дома все по-старому» (НА КарНЦ РАН ф. 1, оп. 50, д. 2, л. 77).

Беременность — тема, к которой этнологи всегда обращаются при описании обрядов жизненного цикла. Обратим внимание на изменение социального статуса женщины. Традиционно сроки беременности скрывали. В послевоенное время многие женщины уже не стремились к сохранению тайны. Например, в случае сильных токсикозов или изменившихся пищевых привычек. Карелка 1956 года рождения отмечала: «Я беременности не скрывала. Токсикозы были сильные. Где же скроешь беременность?» (ФА № 3945). В населенных пунктах с развитой медицинской инфраструктурой и небольшой численностью, обычай скрывать беременность также мало соблюдался: «Скрыть в те времена (речь о 1980-х гг. — прим. авт.) нельзя было, потому что, если ты три дня находился в стационаре — там же раньше на больничных всех писали. Это сейчас шифр, уже ничего не поймешь. А тогда знали — больничный же сдавали в бухгалтерию и там все было написано», — рассказывала фельдшер.

Когда беременность становилась очевидной, отношение со стороны сельского социума к женщине менялось. Ей старались не перечить, не отказывать в просьбах, по-

¹ Патьвашка (северно-карел. *pat'vaška*) — свадебный колдун.

скольку, согласно народным представлениям, все желания исходили не от женщины, а от ребенка. Рожать старались скрытно — в бане или хлеву, овечьем закуте (Никольская, Сурхаско 1992). На помощь роженице приходила свекровь (сегозерские карелы) или приглашенная повитуха (северные карелы). Рожали лежа, по информации из Сямозера, стоя на корточках или сидя на деревянном ведре (Логинов 2008: 248). Для облегчения родов совершались различные манипуляции, имитирующие выход ребенка — развязывали все узлы на одежде роженицы, снимали пояс, распускали волосы.

Рождение первенца повышало статус женщины в семье и общине, при этом первое время женщина проводила в изоляции (от двух–трех дней до шести недель). Независимо от местонахождения в период изоляции, роженице не следовало разделять трапезу вместе с семьей, специально для нее выделалась посуда. Недавно родившей карелке запрещалось ходить на кладбище, в церковь, в гости. Переходный статус роженицы, указание на ее «нечистоту», опасность ее для окружающих (равно как и уязвимость самой роженицы) находило выражение в запрете на сексуальные контакты с мужем — от одной до шести недель. Согласно поверьям, нарушение запрета влияло на здоровье ребенка, он мог вырасти слабым и беспомощным. «Нечистота» женщины также была причиной, по которой она отстранялась от кормления ребенка в первый раз. Вместо грудного молока новорожденному давали либо тряпичную соску, смоченную сладкой водой, либо рожок с кипяченым или парным молоком (Keinänen 2003: 140).

В тоже время предметы, которые использовались при родах, и одежда роженицы служили для защиты новорожденного — это были нижняя рубаха, голик от венника, которым парилась женщина после родов в бане.

Интересным также представляется сценарии описания родов старшими женщинами, в которых фиксируется нормирующая модель поведения для молодых. Прежде всего, апелляция к терпению и выносливости. Приведу два фрагмента — один, записанный от карелки 1901 года рождения, второй — из экспедиции 2021 года (время события — 1952 г.):

«...Быстренько со стога спустилась на землю, побежала к двум осинам — там и ребенка родила. А муж пошел за лошадью. Пришел, а у меня уже ребенок. Что теперь делать будем? Семь километров от пожни до дому (...). Когда пришла домой, еще две коровы подоила, теленка напоила. На второй день сходила [помыться] в баню. Два дня прошло — да снова на сенокос и пошла. И с животом ничего не случилось (...), и ничто не болело, ничего со мною не произошло, ничто и нигде не болело.

А теперь как родят ребенка? Не диво ли жить теперь: до родов два месяца гулять дают, после родов два месяца дают, в пеленочки ребенка заворачивают. Сейчас точно на настоящем („чистом“) празднике» (Макаров, Рязоев 1969: 55–56).

«...Время рожать. Акушерка говорит, пора тебе ехать в город. Я говорю: „Не поеду“. И как раз это было [указание на дату], такая холодная весна была, и мы сажали картошку. И у меня заболела спина, потом живот. Я говорю: „Ой, мама, заболела, не могу“. А осталось еще ведро, может, картошки посадить. Она говорит: „Иди домой, затопи печку и начинай варить ужин, а я закончу и пойду корову встречать“. Она приходит, а я валяюсь. (...) Вечером как начало меня катать и до 6 утра. Вечером я говорю: „Иди за Ольгой“. Мама отвечает: „Пойду я за акушеркой — у нее маленький ребенок, будет тут она с тобой сидеть“. Я гово-

рю: „Что я всю ночь буду мучиться?“ Она: „Может, и всю ночь“» (ФА № 3956/4, 1927 года рождения).

В целом, во многих рассказах о рождении детей, бытовавших среди женского коллектива, фиксировалась нестандартная ситуация рождения ребенка — в поле или дороге. Эти истории служили своего рода предупреждениями для молодых женщин, будущих матерей (Разумова 2001: 183, 28). В них же подчеркивалась быстрая реабилитация женщины и ее готовность к работе.

Завершая статью, обратимся к окончанию репродуктивного периода жизни женщины. Структурообразующим элементом гендерной системы являются иерархические отношения, причем не только по вертикальной, но и горизонтальной линиям. В расширенной семье рождение невесткой ребенка (особенно, мальчика) укрепляло ее позиции в доме и расширяло права, а завершение репродуктивного возраста хозяйки означало начало перехода власти от свекрови к невестке.

Одежда пожилых женщин отличалась простотой и сдержанностью в выборе цветов (преимущественно, темные оттенки). Одним из сигналов изменения репродуктивных способностей женщины и перехода в новый статус были головные уборы. Если молодые замужние женщины носили «рогатые» головные уборы (северокарельский вариант сороки), то в старости они меняли их на «безрогие» (Косменко 2011: 205). Манера поведения также была социально детерминирована: женщине не следовало передвигаться очень быстро, бегать, прыгать и танцевать (Sallinen-Gimpl 2013: 229–230).

Иерархический порядок в женской части коллектива был организован не только в виде разделения трудовых ролей, но также с помощью вещного мира — «женских» атрибутов власти. «Владение» определенными предметами подчеркивало статус женщины во внутригрупповой иерархии. К таковым в карельской культуре относились кадка и сам процесс печения хлеба, самовар, который занимал положение на женской половине стола¹. Основными ролями пожилых карелок было выполнение воспитательной и соционормативной функций. Так, крестьянки присматривали за детьми, особенно в возрасте до 5–7 лет, когда дети еще не разделялись в играх и труде по половому признаку (Илюха 2007: 52–53). Соционормативная функция пожилых людей распространялась и на сельскую общину в целом. Повсеместно пожилые и старые женщины осознавали себя отдельным сообществом, надзирающим и контролирующим (Мухина 2018: 462). И. К. Инха в 1894 г. писал, что в Северной Карелии, что во время танцев старики наблюдали со стороны и активно обсуждали молодежь (Инха 2019: 152–153). Схожие роли пожилых женщин сохранялись и во второй половине XX в., в послевоенный период: «...И придут родители на танцы — мама, какие-то бабки — вот они придут, рассядутся. А мы за эти печки [в клубе] спрячемся, думаем: господи, хоть бы они скорее ушли, чтобы мы могли потанцевать (смеется)» (ФА № 3956/2, 1950 года рождения).

Важнейшая роль пожилых женщин заключалась в передаче магических навыков и в ритуальной деятельности. Завершение репродуктивного возраста хозяйки означало начало перехода власти от свекрови к невестке. Сложение хозяйственных полномочий в семье открывало возможности для самореализации в общине. При наличии знаний, опыта и авторитета, пожилые карелки успешно занимались знахар-

¹ Подр. см.: Литвин 2020: 1505–1518.

ством, повитушеством, были причитальщицами на свадьбах и похоронах, до сих пор в Карелии велика роль пожилых женщин в похоронно-поминальном обряде. Данные занятия становились доступными и по причине женской «чистоты», т. е. отсутствия менструации и сексуальных отношений. Более того, во второй половине XIX в. некоторые из ритуально-магических занятий, выполняемых женщинами, профессионализировались.

Выводы

Итак, первым значимым этапом в жизни женщины было наступление менструации, которое переопределяло ее статус, общение со сверстниками и сверстницами, маркировалось в одежде и поведении. Процесс пробуждения и осознания девушкой своей женственности протекал в рамках строгого подчинения нравственным предписаниям, контроль за которыми осуществлялся сельским коллективом, особенно представительницами старшего поколения.

Период девичества, в целом, характеризовался более активным освоением карельской пространства за пределами дома. Участие в молодежных гуляниях, традиция гостьбы у родственников в другой деревне и иные виды активности — важные условия знакомства с жизнью вне своей округи. Вместе с тем конечной целью расширения жизненного пространства молодой карелки было вступление в брак. Брачная ночь — значимый жизненный этап для женщины, интимный и эмоциональный, который практически не описывается в научной традиции и о котором мало говорят сами женщины.

Замужество и рождение ребенка повышало социальный престиж крестьянки, поскольку она реализовывала свое главное предназначение — быть женой и матерью. Временное исключение женщины из жизни социума свидетельствует о ее маргинальном статусе, демонстрирует сужение ее жизненного пространства, ограничение социальных функций. «Периферийность» положения крестьянки была продиктована не только прагматическими целями, но была необходима для перехода женщины в новый, более высокий статус. Женская «нечистота» имела амбивалентное значение. С одной стороны, она таила в себе опасность для окружающих, с другой — предметы, с которыми роженица контактировала в этот период, наделялись сверхъестественной силой. Эти вещи могли нейтрализовать действие колдовства и обладали защитной функцией.

Таким образом, женская телесность в традиционной культуре функционирует на физическом и символическом уровнях, которые проявляются в визуальных маркерах, поведении и даже позах; телесность связана с миром вещей и пространством (например, традиция места родов). Обращение к теме телесности/сексуальности не только приоткрывает табуированную в традиционной культуре сторону жизни, но и позволяет расширить наши представления о женском опыте, увидеть процесс преобразования физиологической данности в культурные традиции.

Источники и материалы

Ефименко 1878 — Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. VIII. СПб., 1878. С. 1–233.

- Лесков* 1894 — Лесков Н. Карельская свадьба // Живая старина. 1894. Вып. 3–4. С. 499–511. НА КарНЦ РАН ф. 1, оп. 50 — Научный архив Карельского научного центра РАН, Этнографический архив ИЯЛИ. Полевые записи Ю. Ю. Сурхаско (1964–1972 гг.).
- НА КарНЦ РАН, разряд VI — Научный архив Карельского научного центра РАН, Этнографический архив ИЯЛИ. Коллекция документов и отдельных рукописей второй половины XIX — начала XX вв.
- ФА № 3945 — Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, экспедиционные материалы Ю. В. Литвин.
- ФА № 3956/2 — Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, экспедиционные материалы Ю. В. Литвин.
- ФА № 3956/4 — Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, экспедиционные материалы Ю. В. Литвин.
- ФА № 3956/11 — Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, экспедиционные материалы Ю. В. Литвин.

Научная литература

- Агапкина Т. А.* Месячные // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Москва: Международные отношения. 2004. Т. 3. С. 241–245.
- Винокурова И. Ю.* Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 2015. 521 с.
- Илюха О. П.* Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX века. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2007. 304 с.
- Инха И. К.* В краю калевальских песен. Петрозаводск: Периодика; Кухмо: Юминкеко, 2019. 464 с.
- Карелы Карельской АССР* / под ред. А. С. Жербина, Г. М. Керта, К. А. Морозова и др. Петрозаводск: Карелия, 1983. 288 с.
- Карельская крестьянка* в зеркале историко-этнографических источников (вторая половина XIX — начало XX вв.). Сборник документов и материалов / Сост.: И. С. Петричева, Ю. В. Литвин, О. П. Илюха. Науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2012. 293 с.
- Конкка А. П.* Материалы по традиционным карельским праздникам северо-западных деревень // На плечах Большой Медведицы. Избранные статьи. (Юбилейный сборник к 65-летию и 45-летию собирательской деятельности). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 125–165.
- Косменко А. П.* Послания из прошлого: традиционные орнаменты финноязычных народов северо-западной России / науч. ред. М. Г. Косменко. 2-е изд. Петрозаводск: Скандинавия, 2011. 304 с.
- Листова Т. А.* «Нечистота» женщины (родильная и месячная) в обычаях и представлениях русского народа // Секс и эротика в русской традиционной культуре. Москва: Ладомир, 1996. С. 151–174.
- Литвин Ю. В.* Печь, кадка и самовар: символы статуса хозяйки в карельской традиционной культуре // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. № 5. 2020. С. 1505–1518.
- Логвиненко Е. С.* Традиционная одежда // Народы Карелии. Историко-этнографические очерки / отв. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 127–133.
- Макаров Г. Н., Рягоев В. Д.* Образцы карельской речи. Говоры ливвиковского диалекта карельского языка / ред. А. П. Баранцев. Ленинград: Наука, 1969. 283 с.
- Михайлова О.* Следы архаических верований в современной культуре (на примере отношения к регулам) // Проблемы археологии и этнологии. Петрозаводск: без издательства, 2000. Вып. 2. С. 35–39.

- Мухина З. З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX — начало XX века). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2018. 725 с.
- Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. Баня в семейном быту карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1992. С. 68–85.
- Пащикова Т. В. Народная медицина карелов XIX — начала XXI века: опыт комплексного исследования. Дисс. ... д. и. н. Специальность 07.00.07. Петрозаводск, 2018. Место защиты: ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова». 559 с.
- Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 496 с.
- Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. Москва: Индрик, 2001. 376 с.
- Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX — начало XX в.). Ленинград: Наука, 1977. 236 с.
- Шикалов Ю. Г. «Подольше в девушках походишь, поменьше замужем поживешь»: репродуктивный период и брачный возраст женского населения Беломорской Карелии в конце XIX — начале XX в. // Карельская семья во второй половине XIX — начале XXI в.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций. Сборник статей и материалов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. С. 89–110.
- Bohac R. D. Widows and the Russian serf community // *Russia's women: accommodation, resistance, transformation* / Barbara Evans Clements; Barbara Alpern Engel; Christine Worobec. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 95–112.
- Keinänen M. — L. Creating Bodies: Childbirth practices in pre-modern Karelia. Stockholm: Stockholm University, 2003. 321 p.
- Laukkarinen J. Suomalaisten naimatapa // SKS toimituksia 186. Helsinki: Suomalaisten Kirjallisuuden Seura, 1933. 188 s.
- Lyydiläismurteiden sanakirja* / toim. ja julk. J. Kujola. Helsinki: Suomalaisen Uskontotieteellinen Seura, 1944. 543 p.
- Mironova V., Litvin J. Young People's Joint Leisure Activities in Traditional Karelian Culture: Norms and Social Practice // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2018. Volume 11. Issue 2. Pp. 85–100. DOI: 10.1515/jef-2017-0015
- Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema. Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1995. 247 s.
- Sallinen-Gimpl P. Karjalainen nainen. Helsinki: Unifada, 2013. 251 s.

References

- Agapkina, T.A. 2004. *Mesyachnye* [Menseses]. Vol. 3. In *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya: 241–245.
- Bohac, R.D. 1990. Widows and the Russian serf community, In *Russia's women: accommodation, resistance, transformation*, edited by B. Evans Clements, B. Engel, Ch. Worobec. Berkeley: University of California Press: 95–112.
- Ilyukha, O. P., eds. 2012. *Karel'skaya krest'janka v zerkale istoriko-etnograficheskikh istočnikov (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.)*. *Sbornik dokumentov i materialov* [Karelian peasant woman in the mirror of historical and ethnographic sources (second half of the 19th — early 20th centuries). Collection of documents and materials]. Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj tsentr RAN.
- Ilyukha, O.P. 2007. *Shkola i detstvo v karel'skoi derevne v kontse XIX — nachale XX veka* [School and childhood in a Karelian village in the late 19th — early 20th centuries.]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.

- Inkha, I.K. 2019. *V krayu kaleval'skikh pesen* [In the land of Kalevala songs]. Petrozavodsk: Periodika; Kukhmo: Yuminkeko.
- Keinänen, M. — L. 2003. *Creating Bodies: Childbirth practices in pre-modern Karelia*. Stockholm: Stockholm University.
- Konkka, A.P. 2014. Materialy po traditsionnym karel'skim prazdnikam severo-zapadnykh dereven' [Materials about traditional Karelian holidays in the villages of the north-west]. In *Na plechakh Bol'shoi Medveditsy. Izbrannye stat'i. (Yubileinyi sbornik k 65-letiyu i 45-letiyu sobiratel'skoi deyatel'nosti)* [On the shoulders of the Big Dipper. Selected statisticians. (Jubilee collection for the 65th and 45th anniversary of the collective)], edited by A. P. Konkka. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN: 125–165.
- Kosmenko, A.P. 2011. *Poslaniya iz proshlogo: traditsionnye ornamenti finnoyazychnykh narodov severo-zapadnoi Rossii* [Messages from the Past: Traditional Jewelry of the Finnish-Speaking Peoples of the North-West of Russia]. Petrozavodsk: Skandinaviya.
- Kujola J., eds. 1944. *Lyydiläismurteiden sanakirja*. Helsinki: Suomalaisen Uskontotieteellinen Seura.
- Laukkanen J. 1933. Suomalaisten naimatapoja. In *SKS toimituksia 186*. Helsinki: Suomalaisten Kirjallisuuden Seura.
- Listova, T.A. 1996. «Nechistota» zhenshchiny (rodil'naya i mesyachnaya) v obychayakh i predstavleniyakh russkogo naroda [Feminine «impurity» (childbirth and menstruation) in the ordinary and perceptions of the Russian people]. In *Seks i erotika v russkoi traditsionnoi kul'ture* [Sex and eroticism in Russian traditional culture], edited by A. L. Toporkov. Moscow: Lodomir: 151–174.
- Litvin, J.V. 2020. Pech', kadka i samovar: simvoly statusa khoziaiki v karel'skoi traditsionnoi kul'ture [Stove, tub and samovar: symbols of the status of a housewife in Karelian traditional culture] *Quaestio Rossica*. 8 (5): 1505–1518.
- Logvinenko, E.S. 2019. Traditsionnaya odezhda [Traditional clothing]. In *Narody Karelii. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Karelians. Historical and ethnographic essays], edited by I. Yu. Vinokurova, 127–133. Petrozavodsk: Periodika.
- Makarov, G.N., Ryagoev, V. D. 1969. *Obraztsy karel'skoi rechi. Govory livvikovskogo dialekta karel'skogo yazyka* [Samples of Karelian speech. Livvi Dialect of the Karelian Language]. Leningrad: Nauka.
- Mikhailova, O. 2000. Sledy arkhaiskikh verovaniy v sovremennoi kul'ture (na primere otnosheniya k regulam) [Traces of archaic beliefs in modern culture (on the example of attitudes towards menses)]. In *Problemy arkhologii i etnologii* [Problems of archeology and ethnology]. Petrozavodsk. Vol. 2: 35–39.
- Mironova, V., Litvin, J. 2018. Young People's Joint Leisure Activities in Traditional Karelian Culture: Norms and Social Practice. In *Journal of Ethnology and Folkloristics*. Vol. 11(2): 85–100. DOI: 10.1515/jef-2017-0015
- Mukhina, Z.Z. 2018. *Russkaya krest'yanka v poreformennyi period (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka)* [Russian peasant woman in the post-reform period (second half of the 19th — early 20th centuries)]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Nikol'skaya, R.F., Surkhasko, Yu. Yu. 1992. Banya v semeinom bytu karel' []. In *Obryady i verovaniya narodov Karelii* [Baths in the family life of Karelians], edited by Yu. Yu. Surkhasko, A. P. Konkka. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN: 68–85.
- Pashkova, T. V. 2018. *Narodnaya meditsina karelov XIX — nachala XXI veka: opyt kompleksno-go issledovaniya* [Traditional medicine of Karelians of the XIX — early XXI centuries: the experience of complex research]. Ph.D. diss., “Chuvashskii gosudarstvennyi universitet imeni I. N. Ul'yanova”.
- Paulaharju, S. 1995. *Syntymä, lapsuus ja kuolema. Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

- Pushkareva, N. L. 2007. *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge]. St. Petersburg: Aleteiya.
- Razumova, I.A. 2001. *Potaennoe znanie sovremennoi russkoi sem'i. Byt. Fol'klor. Istoriya* [Hidden knowledge of the modern Russian family. Byt. Folklore. History]. Moscow: Indrik.
- Sallinen-Gimpl. P. 2013. *Karjalainen nainen*. Helsinki: Unifada.
- Shikalov, Yu.G. 2013. «Podol'she v devushkakh pokhodish', pomen'she zamuzhem pozhivesh'»: reproductivnyi period i brachnyi vozrast zhenskogo naseleniya Belomorskoï Karelii v kontse XIX — nachale XX v. [The reproductive period and the age of marriage of the female population of the White Sea Karelia at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries]. In *Karel'skaya sem'ya vo vtoroi polovine XIX — nachale XXI v.: etnokul'turnaya traditsiya v kontekste sotsial'nykh transformatsii. Sbornik statei i materialov* [Karelian family in the second half of the 19th — early 21st century: ethnocultural tradition in the context of social transformations. Collection of articles and materials], edited by O. P. Ilyukha. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN: 89–110.
- Surkhasko, Yu. Yu. 1977. *Karel'skaya svadebnaya obryadnost' (konets XIX — nachalo XX v.)* [Karelian wedding rituals (late 19th — early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
- Vinokurova, I. Yu. 2015. *Mifologiya vepsov: entsiklopediya* [Vepsian mythology: an encyclopedia]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Zherbin, A.S., Kert, G.M., Morozov, K.A., eds. 1983. *Karely Karel'skoi ASSR* [Karelians of the Karelian ASSR]. Petrozavodsk: Kareliya.